

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Dmitry G. Evstafiev — Higher School of Economics National Research University.

Евразийская «дуга нестабильности», или Управление глобальным экономическим ростом

Вместо введения

Ключевой глобальный процесс современности, вмещающий в себя как геополитические, так и геоэкономические трансформации, можно определить как *формирование регионализированных центров экономического роста на фоне торможения экономической глобализации и прекращения догоняющей социальной глобализации в условиях нарастающего дефицита инвестиционных ресурсов*.

Это первая фаза формирования ситуации экономической полицентричности, способной некоторое время развиваться в условиях абсолютного доминирования США в финансовом секторе и сохранения в операционно-пригодном состоянии большинства глобальных и субглобальных политических и экономических ин-

ститутков. *Ключевым аспектом глобального кризиса становится кризис глобальной финансово-инвестиционной универсальности*.

Инкубационный период нынешнего глобального кризиса может быть относительно долгим, и начало активной фазы может быть спровоцировано каким-либо тактическим, возможно, относительно малозначащим событием. Называть это событие черным лебедем было бы неправомерно хотя бы потому, что неизбежность экономического кризиса была осознана ключевыми игроками в мировой политике и экономике (не только коллективным Западом) относительно давно. И концептуальная проработка вариантов управления грядущими трансформациями происходит также относительно давно, причем как на уровне операционного поведения (док-

УДК 339.97

DOI: 10.33917/es-7.165.2019.46-56

Глобальные экономические и политические трансформации в современном мире, выражающиеся, с одной стороны, в относительном ослаблении американского влияния в мире, а с другой — в формировании регионализированных центров экономического роста и влияния, создают риск актуализации региональных противоречий и конфликтов, затрагивающих экономические интересы крупнейших игроков. Возможно возникновение «дуги нестабильности» в южной части Евразийского континента, которую США потенциально могут использовать для обеспечения несилового и (или) частично силового управления глобальными и субглобальными экономическими процессами в своих интересах. Формирование подобной «дуги» коренным образом изменит конфигурацию политических и геополитических интересов в приоритетных с точки зрения регионализированного экономического роста регионах и создаст дополнительные военно-силовые и политические риски. Формирование «дуги» может создать новые риски для интересов России и ее партнеров в постсоветской Евразии.

Ключевые слова

Глобальный экономический рост, Евразия, нестабильность, управление конфликтами, экономическое пространство, логистические коридоры.

трина Трампа и поведение США — каскадное управление кризисными тенденциями), так и на уровне конструирования систем среднесрочного управления процессами и влияния на процессы формирования новой глобальной экономической и политической архитектуры.

Постановка проблемы

Очевидно, что логика ключевых государств мира определяется подготовкой к масштабному экономическому кризису, попыткой создать механизмы, при которых экономический кризис был хотя бы частично управляемым. Сформировались две противоречивые тенденции.

С одной стороны, сложившаяся в период экстенсивной глобализации по сути паразитная финансовая система определяет основной вектор

не только экономических задач, но и глобальной стратегии: доминирование в глобальных финансах и обеспечении устойчивости системы максимизации и монетизации инвестиционной ренты, используемой для поддержания ликвидности глобальной финансовой системы, остающейся опорой глобализованного мира. Американо-китайское «торговое» противоборство является борьбой за влияние внутри этой системы и за право голоса в распределении дивидендов от монетизации рент. С другой стороны, налицо невозможность неограниченного глобализма прежде всего по ресурсным соображениям, необходимость селективного глобализма на фоне относительного ослабления «мягкой силы» в ее традиционном понимании. И это касается не только США, но и всех остальных претендентов на глобальную роль и влияние. Следу-

Arch of Instability in Eurasia, or Global Economic Growth Control

Modern global economic and political transformations that result on the one hand in the relative weakening of the American global influence in the world and on the other hand in formation regionalized centers of the economic growth and influence create the risks of intensification of the regional contradictions and conflicts that affect the interests of the key economic players. Potential emergence of the “arch of instability” in the southern part of the Eurasian continent that can be used by the US to accommodate its interests with providing the base for non-force and/or partially force-based instruments of control of the global and sub-global economic processes. The emergence of such an arch could alter significantly the configuration of the political and geopolitical interests in the priority regions with the most intense trends for the global economic growth thus creating new military-political and political risks. The formation of the “arch of instability” could create new risks for the interests of Russia and its partners in the post-Soviet Eurasia.

Keywords

Global economic growth, Eurasia, instability, conflict management, economic environment, logistic corridors.

➤ Главной угрозой становится возникновение не контролируемых США сфер влияния других государств, не являющихся прямыми сателлитами США.

ет согласиться с констатациями западных и прежде всего американских специалистов об утрате постбиполярным мировым порядком внутренней целостности и устойчивости [1]. *С геоэкономической точки зрения наступающая эпоха вполне может стать эпохой «конкурирующих субглобализмов».* Вопрос только в том, насколько удастся сохранить элементы полноценной глобальности и относительное форматное единство мировой финансовой системы.

Центральной интегрирующей системой для современной глобализации становятся коммуникации, приобретающие гипертрофированное значение и потенциал. Коммуникации начинают заполнять пространство «серых зон» влияния и управления, возникающих в результате ослабления и деуниверсализации социально-экономических аспектов глобализации, во многом подавляя традиционные управляющие связи, прежде всего политические, но уже также и экономические, и демонстрируя новый уровень манипулятивности. Сегодняшние процессы можно рассматривать как постепенную утрату экономикой своей доминирующей значимости как фундамента всей системы глобальной политики [2].

Ключевым игроком в современной системе международных отношений остаются США, которые:

- доминируют в глобальной финансовой системе и обладают способностью контролировать большую часть инвестиционной ренты;
- несмотря на относительное военное ослабление, остаются ведущей военной силой и одним из двух государств, имеющих референтный опыт среднесрочных военных интервенций, в том числе интервенций для политической и экономической стабилизации;
- контролируют большую часть глобальной системы коммуникаций, в том числе практически полностью систему глобальных бизнес-коммуникаций.

Предварительный вывод мог быть сформулирован так: *размывание американской геополитической монополярности* носит не столько

качественный, сколько пространственный характер: возникают операционные пространства, где американское экономическое и политическое доминирование не является безусловным, и это постепенно признается в США даже на уровне публичного политического дискурса [3].

Задача США состоит в создании модели селективного глобализма с ориентацией на решение прежде всего экономических задач, вопрос только в том, на какую группу задач ориентироваться — на краткосрочные или долгосрочные. В текущей американской политике имеются признаки ориентации на решение обоих типов задач, хотя вопрос сохранения пространственной целостности американоцентричной системы глобальной экономики остается приоритетным.

Главной угрозой становится возникновение не контролируемых США сфер влияния других государств, не являющихся прямыми сателлитами США. В последнее время возникает целый ряд признаков перехода эрозии американского глобального доминирования на ключевые сектора экономики. Это означает, что США входят в систему значимых содержательных дилемм для своей политики, лишаящих их способности действовать неограниченно, — любое действие по расширению влияния в одном направлении вызывает сокращение влияния или эффективности действия инструментов.

Автором формулируется следующая принципиальная гипотеза: *США пока не готовы к новой институционализации в системе международных отношений даже на условиях своего доминирования, а тем более в формате полуторполярности, неизбежно возникающем в контексте «конкуренции-партнерства» с КНР. Для США и с политической, и особенно с экономической точки зрения вполне приемлемым является временная хаотизация целого ряда регионов мира, создающая стимулы для выкачивания дополнительных финансовых ресурсов в контролируемую США виртуализированную финансовую систему. Для США критическим на среднесрочную перспективу является сохранение контроля над глобальными финансами и предотвращение возникновения регионализированных платежно-расчетных, а тем более инвестиционных систем.*

Исходя из этой гипотезы, можно утверждать, что речь идет о необходимости выявления и анализа

механизмов, формируемых США для обеспечения устойчивости глобальной инвестиционной системы в условиях расширения пространства конкуренции и снятия большинства ограничений на выбор операционных методов конкуренции. Одним из таких механизмов является формирование системы управляемой нестабильности, захватывающей, как минимум косвенно, ключевые перспективные центры экономического роста.

➤ ➤ Для США критическим на среднесрочную перспективу является сохранение контроля над глобальными финансами и предотвращение возникновения регионализированных платежно-расчетных, а тем более инвестиционных систем.

Вторая принципиальная гипотеза, выдвигаемая автором, заключается в следующем: *критической задачей для США является формирование новой системы управления лояльностью, разрушая при этом глобальные экономические институты, выгодные для США с экономической и политической точки зрения. Эта система должна минимизировать прямые затраты организационных, а тем более финансовых ресурсов со стороны США, но одновременно максимально интегрировать объективно развивающиеся глобальные процессы, при иных условиях способные создать для США опасные экономические и политические вызовы.*

Ключевыми целями США на среднесрочную перспективу будут экономические, вернее экономико-конструктивистские, но для их достижения США пытаются использовать максимально широкий набор инструментов, включая внешнеполитические и военно-силовые. Основным фактором современной американской политики в ближайшее время станет агрессивность, поскольку геополитические и геоэкономические ставки для США исключительно высоки, а также комплексность с трендом на доминирование политико-силовых и военно-силовых методов, что обуславливается как характером рисков для США, так и осознанием относительной, возможно кратковременной, неконкурентоспособности в чисто экономическом контексте. Одновременно модель управления геоэкономическими процессами должна вписываться в неоднократно обсуждавшийся формат удаленного управления цивилизационным противоборством [4], но принципиальной задачей становится поддержание операционной целостности системы. Иными словами, потребности информацион-

но-политических манипуляций требуют интегрированности системы как минимум на уровне операционных механизмов. Системы «фронтов» [5], игравшей роль основы реализуемой США модели управления пространством Евразии и частично Юго-Восточной Азии, оказалось недостаточно. В перспективе, вероятнее всего, она будет заменена «дугой», позволяющей сочетать операционную и содержательную гибкость и ресурсную интегрированность.

Стратегия «дуги нестабильности» может стать инструментальной основой участия США в глобальных трансформациях геоэкономического, а затем и геополитического характера. Во всяком случае, на данном уровне ресурсных и политических возможностей США она представляется адекватным инструментом, обеспечивающим устойчивое вымывание финансовых и иных ресурсов из потенциальных региональных центров экономического роста в американскую финансовую систему.

«Дуга нестабильности» как инструмент трансформаций и парадигма развития

Анализ нарастания военно-политической напряженности позволяет сделать вывод о том, что в последние годы формируется «дуга нестабильности» от Южно-Китайского моря до атлантического побережья Западной Африки и Магриба (Гибралтарского пролива). Внутри «дуги» возникает несколько анклавных очагов военно-политической нестабильности, связанных между собой, исходя как из пространственного компонента, так и из содержательных обстоятельств. Главный вопрос — насколько эта «дуга» может в принципе управляться с использованием если не одних и тех же, то схожих содержательных и технологических методик.

Основными звеньями «дуги нестабильности» (рис. 1), где возможно достичь высокой степени управляемости, становятся:

- пространство военно-силовой нестабильности вокруг Корейского полуострова, которое фокусируется на модели межгосударственного конфликта и управляется США как за счет политических манипуляций, так и за счет «встро-

енной» в регион системы военно-политических гарантий. США обладают исчерпывающими возможностями управления нестабильностью с этого направления;

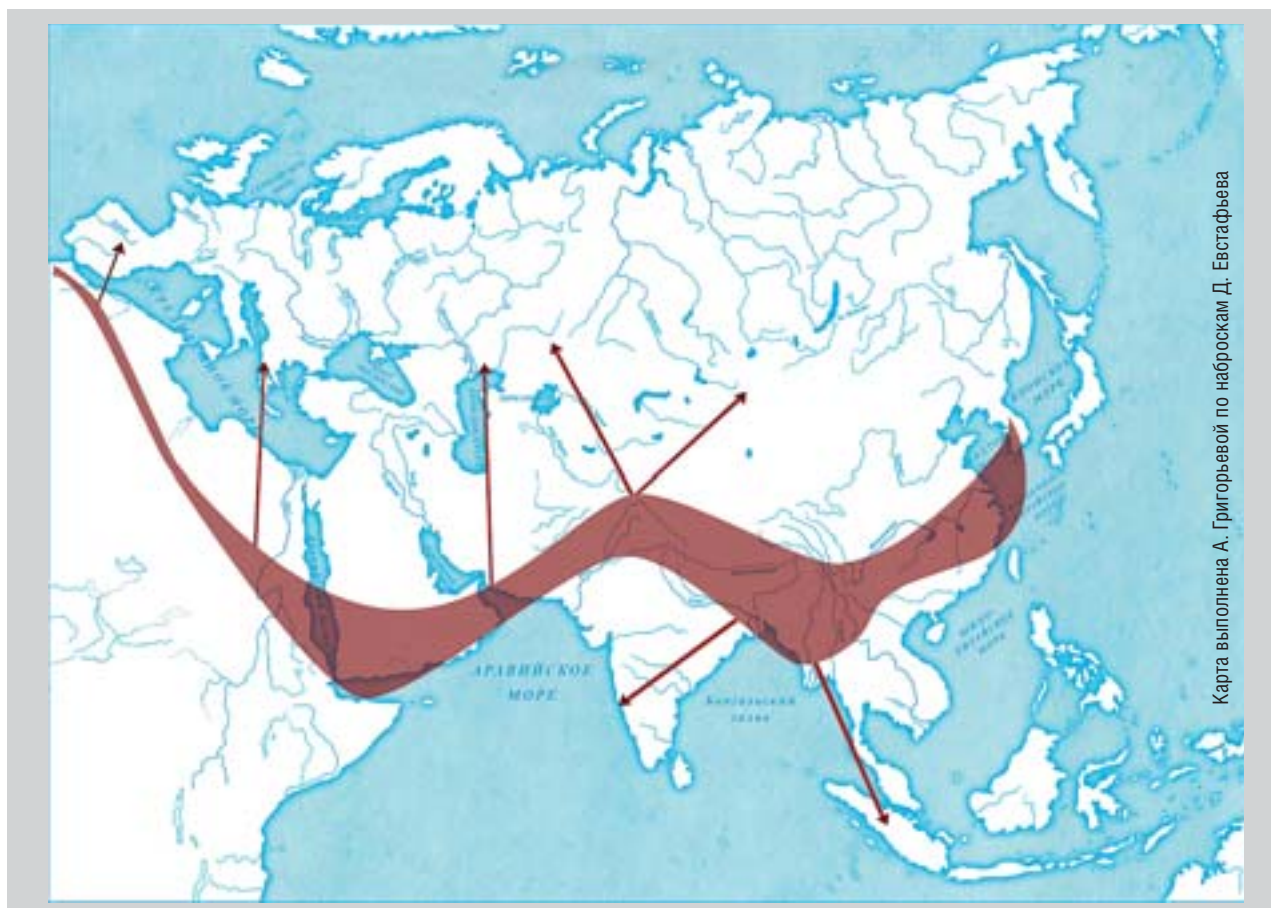
- этнические регионы Китая, включая Тибет. Управляемость падает в связи с ужесточением политики Пекина по отношению к этим регионам и сравнительно быстрым изменением этнического баланса. На среднесрочную перспективу данная точка останется болезненной для КНР, несмотря на ограниченные возможности прямой интернационализации;
- зона противостояния мусульманской и буддистской цивилизации в Южной и Юго-Восточной Азии, фактически представляющая собой относительно новый и в силу этого управляемый проторазлом с потенциально военно-силовым результатом¹. Очевидна смычка между сетевыми политическими и военно-политическими структурами и сетевыми же структурами «серого» и «черного» рынков;
- очаги конкурентной нестабильности в Южной Азии, связанные с ключевыми глобально значи-

мыми торгово-логистическими маршрутами с большой долей несквозных перевозок. Значимость и долгосрочность экономических интересов однозначно будут способствовать политической вовлеченности ключевых глобальных игроков [7]. Нельзя исключать, что трагические события в Шри-Ланке, связанные с проведением масштабных террористических актов, сопряжены именно с этим аспектом ситуации;

- Центральная Азия, балансирующая на грани архаизации [8] в связи с окончательной утратой советского социокультурного и экономического наследия и неудачей в реализации даже субрегиональных интеграционных процессов в Евразии;
- зона пространственного переформатирования Среднего Востока (проект «Большой Ближний Восток»), в которой, вероятно, в ближайшие 10–15 лет развернутся наиболее значимые события, связанные с формированием новой экономической, а вероятно, и политической архитектуры региона. В ближайшей перспективе трансформационные процессы с использо-

Рисунок 1

Евразийская «дуга нестабильности» и векторы развития напряженности

ванием силовых инструментов, вероятно, будут локализованы в связке Иран — Ирак (особенно в случае военно-силовой акции США против Ирана). Но в целом ни одно из государств региона — не только Иран и Ирак, но и другие страны, попадающие в «ареал нестабильности» (Кувейт, часть территории Сирии, Саудовской Аравии и Турции), — не имеют гарантий сохранения в нынешних границах;

- Причерноморье и регионы Южной Европы, где нестабильность носит сугубо управляемый характер и является результатом манипуляций со стороны США и их сателлитов. В последние годы обозначилась разноректорность манипуляций со стороны США и ЕС, что существенно повышает уровень манипуляций пространством и снижает его экономическую ценность;
- очаг управляемого «пространственного» безвластия в районе Африканского рога является одним из наиболее эффективных инструментов регулирования уровня неэкономических и частично экономических рисков в глобальной логистике. Это классический пример регулирования важных, фактически глобальных экономических процессов с помощью силового воздействия низкой интенсивности;
- нестабильность в пространстве «предэкваториальной Африки», ставящая под вопрос любые проекты пространственной модернизации региона, в том числе и связанные с реализацией проектов в сфере глобально значимой логистики;
- этно-религиозная нестабильность в Северо-Западной Африке. Территория, где началась «арабская весна» и наличествуют некупируемые этносоциальные риски, которые в короткие сроки могут быть масштабированы до статуса межрегионального риска за счет относительно незначительного манипулятивного и ресурсного воздействия.

Ценность «дуги нестабильности» как технологии, во всяком случае на нынешнем этапе развития, заключается в том, что она не дестабилизирует ключевые точки экономического роста, сохраняя в них базовые производственные процессы (связанные, как правило, с сырьевой экономикой). Она затрагивает сопредельные с ними регионы, создавая внеэкономические риски для развития экономики и инвестиционной деятельности, лишаящие участников экономических процессов возможности осуществлять промышленную модернизацию за счет собственных инвестиционных ресурсов (национализации ренты). Это стимулирует интернационализацию инвестиционных и в целом эко-

номических процессов, а затем и политических. Одним из примеров такой политики в условиях менее жесткого противостояния являлось конкурентное противоборство США, ЕС и Китая вокруг так называемого Южного газотранспортного коридора. Управление инвестиционной привлекательностью проекта, и без того спорной, велось за счет стимулирования управляемой нестабильности вокруг регионов, где проходит этот газотранспортный проект, вследствие чего возникал вопрос о военно-силовых гарантиях.

Ценность «дуги нестабильности» заключается в том, что она, будучи цепью разнородных и разноразмерных конфликтов, относительно легко интегрируется в некую систему конфликтов с внутренней индикативной управляемостью, во всяком случае на этапе невооруженной эскалации. Вероятно, интеграция конфликтов в «дугу» произошла бы в любом случае — в силу схожести причин конфликтов и человеческого потенциала, в конфликт вовлеченного. Возможное участие внешних сил не только ускорит ее формирование, но и принесет в нее дополнительную внутреннюю конкуренцию, что снизит возможность управлять конфликтами и повысит вероятность внезапной дестабилизации.

Управление нестабильностью в пространстве формируемой «дугой» не предполагает масштабного американского участия, тем более масштабной военной интервенции, если только речь не пойдет о некоем форс-мажорном политическом решении, мотивированном более сложными политическими процессами (например, решение о военном присутствии в Афганистане). Но и в этом случае масштабы прямого вовлечения будут существенно меньше.

Ценность «дуги» заключается и в том, что она выступает инструментом управления союзническими отношениями США, поскольку ни один из затрагиваемых «дугей нестабильности» союзников США не является в полном смысле слова оборонно-достаточным. Более того, большая их часть уязвима в отношении угроз нижней части спектра, тем более в случае возникновения затяжных гибридных противостояний с элементами внутренней нестабильности (классический пример — Пакистан).

Ценность «дуги» заключается в том, что она встроена в ключевые глобальные бизнес-процессы, вокруг которых будут происходить глобальные политические и экономические транс-

формации. США включаются в перспективные экономические процессы на системном уровне на начальной стадии их формирования. При этом целый ряд важнейших центров будущего экономического роста находится вне охвата данной «дуги нестабильности» или затрагивается «дугой» лишь частично. В частности:

- новый центр экономического роста в ЮВА;
- формирующийся центр пространственного развития в южном Тихом океане с ресурсным центром вокруг Австралии, становящейся стратегической опорой США в восточном полушарии на ближайшие годы;
- северо-восточный фланг НАТО с опорой на Польшу, северные регионы Франции и частично Германию.

Единственный значимый для США пространственный элемент, затрагиваемый «дугой нестабильности», — юго-западная оконечность Европы. Это может выключить из американских геоэкономических планов крупнейшую в Европе инфраструктуру приема СПГ в Испании. Но с учетом общей общественно-политической ситуации в Испании, а также изменения конфигурации американских экономических интересов в Европе (с опорой на Польшу), такой риск является вполне оправданным.

Стратегической целью США на данном этапе является смещение одного из центров «дуги нестабильности» из Юго-Восточной Азии (зоны политического нейтралитета, связи Вьетнам — Индонезия и балансирующего их Таиланда) в Восточную Азию. С этой целью США предпринимаются интенсивные попытки перейти от стратегического партнерства с Вьетнамом к построению более сложной системы

отношений, основанных на привилегированном экономическом партнерстве с государствами региона (трансформированное ТТП), и, возможно, к созданию системы коллективной безопасности, построенной вокруг американских стратегических военно-силовых гарантий. Если это удастся в ближайшие 3–5 лет хотя бы на начальном уровне, то США получат близкую к неограниченной свободу рук в Восточной Азии и возможность полной нейтрализации потенциала альтернативного центра экономического роста, который складывался там в течение последних 50 лет. Хотя это невозможно без формирования полноценного очага военно-силовой напряженности в регионе.

Формирование «дуги нестабильности» позволяет при условии правильного распределения ресурсов предотвратить формирование макрорегиона Центральной и Восточной Азии. Это может стать критическим ударом по пространственной целостности американоцентричной системы мировой политики и экономики и создать для Китая пространственно очерченную и операционно доступную сферу влияния, обладающую потенциалом извлечения различных вариантов ренты [9].

Эффект «дуги нестабильности» всегда присутствовал в Евразии. Классический пример формирования локализованной «дуги» имел место во второй половине 1970-х годов, когда «дуга» выгнулась на юг в результате исламской революции в Иране и понадобились рискованные и не гарантированно успешные действия, чтобы частично скорректировать процесс, спровоцировав столкновение с Советским Союзом. На принципе управляемых очагов нестабильности была построена первоначальная концепция «Большой шахматной доски», сформулированная Збигневом Бжезинским, локализовавшая перспективную нестабильность вокруг Каспия [10] в противовес пространству стабильности так называемого Моста демократии (Украина — Польша — Германия — Франция) и центру европейской стабильности, сдвигающемуся к юго-западному Средиземноморью из восточного. Такое предположение оказалось ошибочным.

Эти процессы связаны, прежде всего, с распадом традиционных экономических и политических систем, формировавшихся на Среднем Востоке после 1950 г. и базировавшихся на нарастающем вовлечении хозяйственных систем соответствующих стран в мирохозяйственные связи.

➤ Стратегической целью США на данном этапе является смещение одного из центров «дуги нестабильности» из Юго-Восточной Азии в Восточную Азию.

Смысл именно «дуги», а не сочетания «фронтов» заключается в возможности управления нестабильностью и интенсивностью конфликтов с использованием сходных инструментов и технологий, а главное, одних и тех же ресурсов, включая человеческий потенциал. Смысл сегодняшней ситуации — в существенном расширении «дуги нестабильности» и возможности управления нестабильностью за счет ресурсов. Достройка «дуги» в направлении Ближнего Востока — свидетельство стратегических изменений.

Ключевые особенности пространства

Само по себе пространство «дуги нестабильности» является исключительно характерным с точки зрения понимания ключевых геополитических и геоэкономических процессов, формирующихся сейчас и становящихся основой для формирования глобальных экономических и политических парадигм.

- *Пространство новой глобальной логистики.* Ключевым фактором развития этого аспекта пространства является выбор между экстерриториальностью (формальной или фактической) логистических пространств и сохранением национального контроля над логистическими пространствами.

- *Пространство конкуренции сетевых и иерархических структур.* Пространство «дуги» является тем пространством, где исторически сосуществуют государства и различные сетевые социальные, экономические и политические структуры. Само формирование такого пространства было отчасти связано с функционированием в этих и прилегающих пространствах глобального логистического коридора Великого шелкового пути, ставшего примером формирующей сетевой логики на базе ограниченного числа опорных форпостов, иногда, но далеко не всегда перерастающих в фактории. Именно такой была логика развития исторического Великого шелкового пути, опиравшегося на систему укрепленных оазисов, за контроль над которыми шла основная борьба с государствами и протогосударствами региона.

- *Пространство почти сложившейся экономической полицентричности.* В пространстве «дуги», да и по ее периферии исторически не складывался единый центр силы. В пространстве «дуги» нет ни одного полноценного финансового центра, и лишь несколько урбанизированных агломераций претендуют на статус глобального города.

- *Пространство жесткой геополитической конкуренции, допускающее прямые силовые методы.* Никаких ограничений на использование силовых методов воздействия на ситуацию в пространстве «дуги нестабильности» не существует. К северу от нее, там, где начинается постсоветское пространство и находится зона ОДКБ, такие ограничения, вероятно, действуют, но к югу их нет вовсе в силу отсутствия даже декларативных форматов коллективной безопасности. Это показал недавний скоротечный, но, тем не менее, стратегически важный конфликт Индии и Пакистана.

- *Пространство естественных социальных асимметрий и социальной архаизации уже даже в пределах постсоветского пространства с утратой значительной части социальных парадигм и фреймов, характерных для периода индустриального модерна (классический пример — Пакистан).*

- *Пространство гибридных, синкретических идеологических систем.* В пространстве «дуги» традиционно происходила диффузия идеологических систем разного типа [11], в результате чего возникали нетипичные идеологические системы, например, маоизм, чучхеизм или религиозные системы наподобие баббизма, зороастризма, манихейства, исмаилизма, махдизма и некоторых вариантов исламского марксизма. Важно отметить, что значительная часть этих идеологических систем имела негативную доминанту. Причина — протест против рамочного, коридорного развития социальных процессов.

- *Пространство традиционного присутствия альтернативных расчетных и платежных систем (хавала, фей чень и т.п.), сохраняющих свое влияние и по сей день, но одновременно и регион наиболее активно развивающихся альтернативных расчетных и инвестиционных систем.*

- *Пространство для эффективных информационно-политических манипуляций.* Социальная деструкция и отсутствие единого понятного вектора социально-экономического развития при наличии остатков урбанизма (в том числе советского, но не только), а также большие массы десоциализированного населения дают

возможность осуществлять как минимум отдельные элементы социального ролевого управления, тем более что в истории подобные прецеденты уже имели место (гражданская война за раздел Индии и Пакистана, восстание баббитов, конфликт в Таджикистане, ирано-иракский конфликт в начальной фазе). В данном регионе есть кем управлять, есть инструменты группового управления. Пространство, вернее институты, наполняющие его, дают возможность обеспечивать достаточно высокий уровень социальной интеграции.

Ключевые геоэкономические вопросы

Главный вопрос в развитии «дуги» — будут ли эти процессы развиваться в русле геоэкономической конкуренции или же ситуация станет определяться доминированием геополитических факторов. В последнем случае ситуация будет напоминать ситуацию накануне исламской революции в Иране, когда одно событие определи-

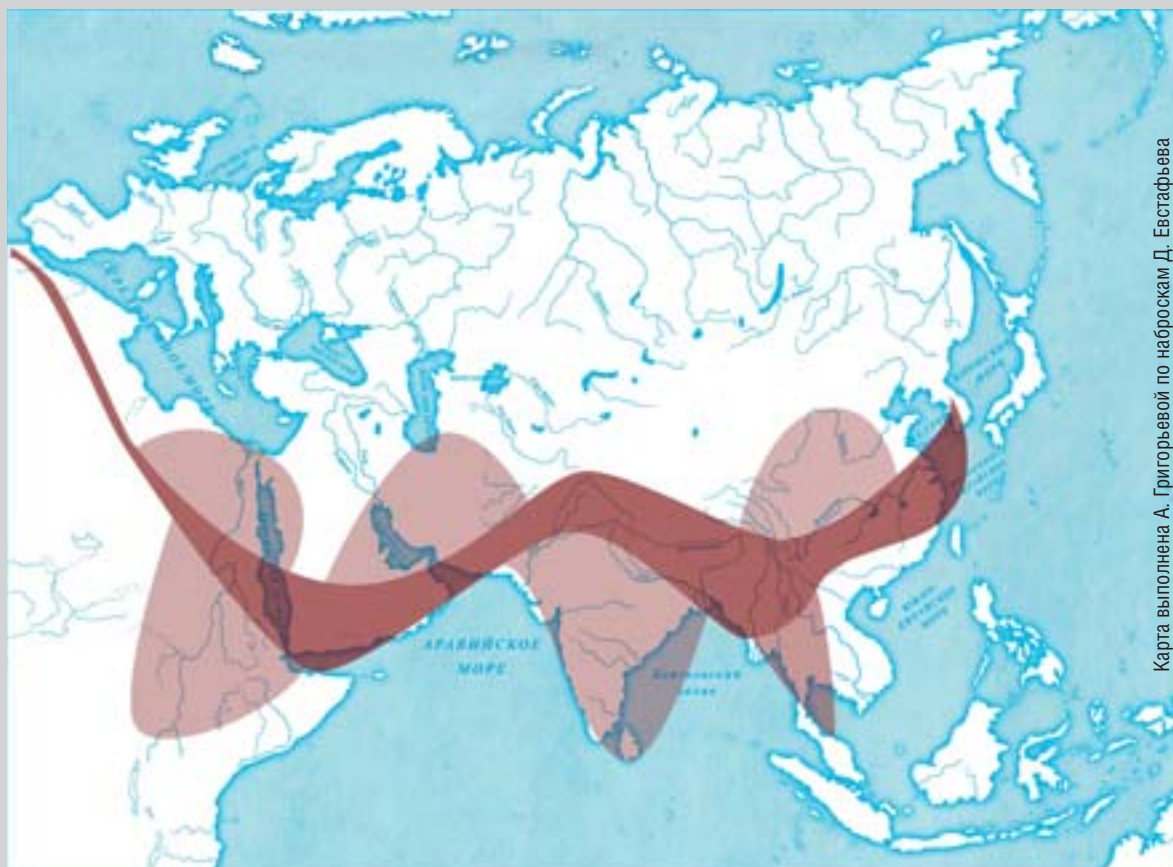
ло вектор развития глобально значимых геополитических процессов на десятилетия.

Ключевые вопросы, касающиеся геоэкономической стороны процессов развития «дуги нестабильности», могли быть сформулированы следующим образом:

- *степень управляемости процессами, причем не только на макроуровне, но и на уровне текущих политических и военно-силовых процессов.* США пока продемонстрировали способность к «управлению хаосом», но только в среднесрочной перспективе. Ситуация же в пространстве «дуги нестабильности» требует использования элементов микроменеджмента, направленного на поддержание минимально эффективного уровня устойчивости целого ряда союзных США государственных и субгосударственных систем. Нельзя полностью отрицать и возможность встраивания в процессы, хотя бы и на тактическом уровне, иных игроков с противоречащей США логикой геополитического поведения;

Рисунок 2

Евразийская «дуга нестабильности» с зонами возможного «флюсового» расширения

Карта выполнена А. Григорьевой по наброскам Д. Евстафьева

➤ Наиболее уязвимым регионом становится именно Южная и Юго-Восточная Азия, где архаизация урбанизированных пространств и формирование внутри них новых идеологических систем будет иметь наиболее значимые социальные и политические последствия.

Проблема «дуги нестабильности» в том, что при определенных условиях она может легко захватить пространство критически важных для США регионов (рис. 2), после чего возможности извлечения и монетизации ренты в данном пространстве могут просто исчезнуть;

- *возможность возникновения в «полосе» внутренних стимулов к консолидации.* Может ли усиление нестабильности и разрушение экономических систем, унаследованных от предыдущих экономических эпох, на определенном этапе привести к возникновению новых — в социально-политическом и особенно пространственном смысле — центров консолидации ресурсов, в том числе людских [12], а также организационных возможностей, и к формированию принципиально нового социального и политико-экономического пространства? Это вполне реально, учитывая исторический опыт и наличие экономической базы в ряде регионов «дуги нестабильности». В других регионах доминирующим является опыт государственной фрагментации (например, в Центральной Азии в XVIII–XIX вв., да и в начале XX в.). Это означает, что единой модели институционального и организационного развития в пространстве «дуги» не существует. Но реализация потенциала новой консолидации в большинстве случаев должна быть связана с выходом за пределы существующей в настоящее время парадигмы;

- *принципиальная возможность и при наличии таковой степень многовекторности развития.* Возможно ли внутри «дуги нестабильности» возникновение или сосуществование разных векторов дестабилизации: на одних участках «дуги» — условно «северного», на других — условно «южного»? С точки зрения чисто операционных аспектов такое возможно, но ключевым вопросом становится возможность разновекторного содержательного управления. В конечном счете и «афганский фокус» (разрядивший «исламскую дугу» в конце 1970-х годов), и «арабская весна» были одновекторными процессами, опиравшимися на единое понимание наиболее перспективного направления развития волн нестабильности. Более того, внутри этих явлений действовала единая экономическая логика;

- *судьба крупных «мегаполисоподобных» урбанизированных пространств, становящихся*

наиболее уязвимыми в случае попадания в полосу дестабилизации, причем эта дестабилизация может иметь как политико-идеологическую основу, так и социально-экономическую. В особенности такая уязвимость будет, вероятно, проявляться в АТР и отчасти на Ближнем Востоке, там, где после «арабской весны» сохранились действительно значимые агломерации с системой кросс-культурного и межконфессионального взаимодействия. С этой точки зрения наиболее уязвимым регионом становится именно Южная и Юго-Восточная Азия, где архаизация урбанизированных пространств и формирование внутри них новых идеологических систем будет иметь наиболее значимые социальные и политические последствия.

Вместо заключения

С точки зрения пространственного понимания глобальной экономики мы сталкиваемся с попыткой политическими средствами упорядочить экономическое пространство.

Для России формирование «дуги нестабильности» будет означать, прежде всего, появление нового, более жесткого и потенциально деструктивного механизма управления пространственным развитием по ее периферии, который может быть относительно легко встроен в неблагоприятные для России процессы в юго-восточной Евразии, связанные с окончательным распадом советских экономических цепочек и моделей социального поведения.

Тем не менее, необходимо отметить, что формирование «дуги нестабильности» само по себе не связано с политикой США по отношению к России, а отражает попытки глобализированных групп в американской элите не допустить обвалных процессов формирования «новой полицентричности» и особенно — разрушения контролируемых США институтов глобальной финансовой системы. Структура «дуги» такова, что она легко может быть использована для ограничения геополитических и особенно геоэкономических возможностей России, отсечения России от перспективных центров экономического роста, более того, для управления инвестиционной привлекательностью ключевых

российских регионов. Это требует нового качества государственного управления и перехода страны к активному пространственному развитию с учетом новых геополитических и геоэкономических реалий [13].

ЭЭ

ПЭС 19054 / 29.05.2019

Примечание

1. Проторазлом представляет собой фокус противоречий, не развившийся на конкретный момент до уровня военно-силового противостояния и сохраняющий относительно высокий уровень управляемости [6]. Пространство цивилизационного проторазлома представляется идеальным для точечного дестабилизационного воздействия, но его управляемость вызывает большие сомнения.

Источники

1. Haas R. How a World Order Ends And What Comes in Its Wake [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. URL: January/February 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>.
2. Zakaria F. The End of Economics? Human beings are rarely rational — so it's time we all stopped pretending they are [Электронный ресурс] // Foreign Policy. Winter 2019 Issue. URL: <https://foreignpolicy.com/gt-essay/the-end-of-economics-fareed-zakaria/>
3. Walt S. The era of unilateralism is over — and Washington is the last to realize it [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2019. April, 26. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/04/26/america-isnt-as-powerful-as-it-thinks-it-is/>
4. Walt S. The End of Hubris And the New Age of American Restraint [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2019. May/

June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-04-16/end-hubris>.

5. Стратегическое экспертное сообщество Усть-Качка – 2018 // Экономические стратегии. 2018. № 7. С. 24.
6. Евстафьев Д.Г. Глобализация и новые цивилизационные разломы: риски и перспективы для России и Евразии // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5(15). Вып. 1. С. 22–33.
7. Кортунов А. Воссоединение Хартленда [Электронный ресурс] // Эксперт. 2019. 6 февраля. URL: <https://expert.ru/2019/02/6/vossoedinenie-hartlanda-geopoliticheskaya-himera-ili-istoricheskij-shans/>
8. Морозов А. Большая трансформация Центральной Азии: золотой век или новое средневековье? [Электронный ресурс] // Евразия-Эксперт. 2018. 20 февраля. URL: <http://eurasia.expert/bolshaya-transformatsiya-tsentralnoy-azii-zolotoy-vek-ili-novoe-srednevekov'e/>
9. Богатуров А.Д. Новая структура геопространственных отношений в Центральной Азии. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под рук. А.В. Торкунова; авт. предисл. М.: МГИМО, 2007. С. 69–110.
10. Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. First Edition, N.Y.: Basic Books, 1997. P. 123–150, 223.
11. Франкопан П. Шелковый путь / Пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2018. 688 с.
12. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Государственный литературный музей / Пер. с франц. М.: Весь мир, 2014. С. 85.
13. Агеев А.И. Связанное пространство // Экономические стратегии. 2018. № 7. С. 5.

References

1. Haas R. *How a World Order Ends And What Comes in Its Wake*. Foreign Affairs, available at: January/February 2019, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>.
2. Zakaria F. *The End of Economics? Human beings are rarely rational — so it's time we all stopped pretending they are*. Foreign Policy, Winter 2019 Issue, available at: <https://foreignpolicy.com/gt-essay/the-end-of-economics-fareed-zakaria/>
3. Walt S. *The era of unilateralism is over — and Washington is the last to realize it*. Foreign Policy, 2019, April, 26, available at: <https://foreignpolicy.com/2019/04/26/america-isnt-as-powerful-as-it-thinks-it-is/>
4. Walt S. *The End of Hubris And the New Age of American Restraint*. Foreign Affairs, 2019, May/June, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-04-16/end-hubris>.
5. Strategicheskoe ekspertnoe soobshchestvo Ust'-Kachka – 2018 [Strategic Expert Community Ust'-Kachka – 2018]. *Ekonomicheskie strategii*, 2018, no 7, p. 24.
6. Evstaf'ev D.G. Globalizatsiya i novye tsivilizatsionnye razlomyy: riski i perspektivy dlya Rossii i Evrazii [Globalization and New Civilizational Faults: Risks and Prospects for Russia and Eurasia]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 2019, t. 5(15), vyp. 1, pp. 22–33.
7. Kortunov A. Vossoedinenie Khartlenda [Heartland Reunification]. *Ekspert*, 2019, February, 6, available at: <https://expert.ru/2019/02/6/vossoedinenie-hartlanda-geopoliticheskaya-himera-ili-istoricheskij-shans/>
8. Morozov A. Bol'shaya transformatsiya Tsentral'noi Azii: zolotoy vek ili novoe srednevekov'e? [Great Transformation of Central Asia: the Golden Age or the New Middle Ages?]. *Evraziya-Ekspert*, 2018, February, 20, available at: <http://eurasia.expert/bolshaya-transformatsiya-tsentralnoy-azii-zolotoy-vek-ili-novoe-srednevekov'e/>
9. Bogaturov A.D. *Novaya struktura geoprostranstvennykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii. Energeticheskie izmereniya mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii* [New Structure of Geospatial Relations in Central Asia. Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia]. Moscow, MGIMO, 2007, pp. 69–110.
10. Brzezinski Zb. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. First Edition, N.Y.: Basic Books, 1997, pp. 123–150, 223.
11. Frankopan P. *Shelkovyy put'* [Silk Road]. Moscow, Izd-vo "E", 2018, 688 p.
12. Brodel' F. *Grammatika tsivilizatsii* [Grammar of Civilizations]. Moscow, Ves' mir, 2014, p. 85.
13. Ageev A.I. *Svyazannoe prostranstvo* [Connected Space]. *Ekonomicheskie strategii*, 2018, no 7, p. 5.